

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7

Мозговая А. В.¹
Шлыкова Е. В.²

Отношение к ценности жизни как фактор восприятия населением террористической угрозы

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия

¹mozgovai@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-6810-5931

²shlykova70@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-2875-271X

Статья поступила 6 апреля 2020 г.; принята 27 мая 2020 г.; опубликована 30 июня 2020 г.

Аннотация. Статья продолжает серию авторских публикаций в журнале и направлена на реализацию ранее разработанного подхода к пониманию противодействия общественно опасным явлениям как процессу институционально-гражданской адаптации. Апробация этого подхода в предшествующей публикации позволила зафиксировать асимметрию в скорости и успешности адаптации социальных институтов и гражданского общества. Этот факт обусловил актуальность и научно-практическую необходимость углубленного изучения потенциала гражданского участия в противодействии процессам и явлениям, угрожающим общественной безопасности. Исходным положением анализа в этой статье является тезис о том, что общественная безопасность зависит не только от институциональных акторов социальной среды, но и от рядовых граждан, обывателей. В статье предпринят анализ представлений населения о сущности экстремистских и иных выступлений группировок, деятельность которых связана с угрозой общественной безопасности, жизни, здоровью, благополучию людей, через *установки* различных категорий населения относительно допустимости насилия над самой *жизнью*. Определение степени фундаментальности установки на допустимость насилия над жизнью как высшей ценностью, осуществляется на основе фиксируемых личностных и средовых факторов, детерминирующих отношение к ценности жизни. Эмпирической базой анализа являются данные общероссийского опроса населения по квотной выборке, репрезентирующей поло-возрастную структуру и тип поселения. Общее количество респондентов составило три тысячи человек. Показано, что определяющими ценностью жизни факторами, обуславливающими отношение населения к деятельности экстремистских группировок, являются уровень образования, тип поселения и пол; удовлетворенность жизнью; уровень толерантности к иным взглядам; особенности поведения в конфликтных ситуациях; субъективная значимость материальных, физических, духовных ценностей. Обоснован методологический потенциал предложенного подхода для более глубокой рефлексии относительно установок населения на то или иное восприятие в ситуациях рисков, в том числе показаны возможности его применения в изучении статуса общественной безопасности в новой реальности – в условиях пандемии.

Ключевые слова: адаптация; общественная безопасность; установка; ценность жизни; риск; угроза; терроризм

Информация для цитирования: Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Отношение к ценности жизни как фактор восприятия населением террористической угрозы // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 101-116. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7

Alla V. Mozgovaya¹
Elena V. Shlykova²

Attitude to the value of life as a factor in the perception of a terrorist threat by the population

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences

bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia

¹mozgovai@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-6810-5931

²shlykova70@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-2875-271X

*Received on April 06, 2020; accepted on May 27, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. The article continues the series of author's publications in the Journal and is aimed at implementing the previously developed approach to understanding counteraction to socially dangerous phenomena as a process of institutional and civil adaptation. Testing this approach in the previous publication allowed us to fix the asymmetry in the speed and success of adaptation of social institutions and civil society. This fact has determined the urgency, scientific and practical need for an in-depth study of the potential of civil participation in countering the processes and phenomena that threaten public security. The starting point of the analysis in this article is the thesis that public security depends not only on the institutional actors of the social environment, but also on ordinary citizens, average people. The article analyzes the population's perceptions of the essence of extremist and other actions of groups whose activities are associated with a threat to public safety, life, health, and well-being of people, through the attitudes of various categories of the population regarding the permissibility of violence against life itself. Determining the degree of fundamental attitude to the permissibility of violence against life as the highest value is carried out on the basis of fixed personal and environmental factors that determine the attitude to the value of life. The empirical base of the analysis is the data of the all-Russian population survey on a quota sample that represents the gender-age structure and type of settlement. The total number of respondents was three thousand people. It is shown that the factors defining the value of life that determine the attitude of the population to the activities of extremist groups are the level of education, type of settlement and gender; life satisfaction; the level of tolerance to other views; features of behavior in conflict situations; the subjective significance of material, physical, and spiritual values. The methodological potential of the proposed approach for deeper reflection on the attitudes of the population to a particular perception in risk situations is substantiated, including the possibility of its application in the study of the status of public security in a new reality – in the context of the Covid-19 pandemic.

Keywords: adaptation; public safety; attitude; value of life; risk; threat; terrorism

Information for citation: Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2020), "View to the value of life as a factor of population's perception of the terrorist threat", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 101-116, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7.

Введение (Introduction). Безопасность представляет собой фундаментальную потребность человека. Абсолютной безопасности в антропогенной среде добиться невозможно, целью становится приемлемый риск. Процесс адаптации гражданского общества и институциональной системы к росту степени рискогенности среды базируется на заинтересованности в создании и эффективной работе системы защиты от социальных и природных рисков. Одним из общественно опасных явлений, обладающих природой социетальных рисков, «является террористическая угроза: терроризм влечет за собой обширные далеко идущие последствия..., сила же социальной системы проявляется в ее возможности принять террористический вызов..., преодолеть трудности благодаря адаптивным модификациям» (Щебланова, 2013: 271).

Общественная безопасность зависит как от институциональных акторов социальной среды, так и от рядовых граждан, обывателей. Разработанный авторами подход к пониманию противодействия общественно опасным явлениям «как процессу институционально-гражданской адаптации к рискогенной среде, позволил зафиксировать асимметрию в скорости и успешности адаптации... социальных институтов и гражданского общества» (Шлыкова, 2019: 116). Этот факт снижает эффективность обеспечения общественной безопасности в целом.

Результаты наших исследований позволяют обосновать вывод о том, что «население характеризуется низким уровнем адаптационного потенциала... и пассивной стратегией адаптации, обусловленной недооценкой важности гражданского участия и стремлением переложить ответственность за противодействие угрозам общественной безопасности на институциональный уровень» (Шлыкова, 2019: 116).

Отчасти это связано с установленным исследователями фактом, что социальную

активность и социальное поведение не в последнюю очередь формируют оценки рисков и угроз. Репрезентативный социологический опрос населения России по проблемам отношения к экстремизму позволил зафиксировать некоторые особенности массового сознания россиян (Голмач, 2009). Ряд исследований показал, что опасность террористической угрозы в социологических опросах респондентами оценивается невысоко. К примеру, в региональном рейтинге угроз и опасностей у населения Алтайского края террористическая угроза оказывается на последнем месте (Максимова, Ноянзина, Гончарова, Омельченко, Авдеева, 2011: 118), на уровне государства угроза терроризма и экстремизма ими оценивается высоко (Максимова, Гончарова, Ноянзина, 2012: 212). Общероссийские мониторинговые опросы показывают, что оценки населением действенности институциональных усилий по противодействию экстремизму и терроризму отражают динамику оценок защищенности в социальной сфере (Мозговая, 2018).

Актуальным представляется «углубленное изучение потенциала гражданского участия в противодействии терроризму; выявление факторов, способствующих наращиванию адаптационных ресурсов населения, формированию активных установок на участие в профилактике и противодействии терроризму, росту готовности разделить ответственность за снижение риска экстремистских проявлений в России с институциональными субъектами» (Шлыкова, 2019: 116).

Для социологической науки в связи с этим важной исследовательской задачей становится выявление социальной базы поддержки или противодействия процессам и явлениям, угрожающим общественной безопасности. Речь идет об анализе установок, позиций, ценностей различных категорий населения относительно противоправных действий, экстремистских и иных выступлений тех или иных группиро-

вок, деятельность которых связана с угрозой жизни, здоровью, благополучию людей.

Методология и методы (Methodology and methods). Учение об установке в психологии базируется на убеждении в том, что, не являясь содержанием сознания, установка «лежит в основе сознательных процессов», а именно «действия» и «активности» (Узнадзе, 1961: 41). А. Г. Асмолов в 1979-ом году обосновал «концепцию об уровневой природе установок (уровень смысловых установок, уровень целевых установок, уровень операциональных установок, уровень психофизиологических реализаторов установки) как механизмов, обеспечивающих устойчивость, стабильность целенаправленного поведения в ситуациях неопределенности» (Асмолов, 2017: 27).

Данные эмпирических исследований, накопленные специалистами в области прикладной психологии, относятся к анализу психологических особенностей установок носителей экстремистских взглядов. Выявлено, что потребность в безопасности и стабильности обуславливает консервативные взгляды на экономическое и культурное развитие (Malka, Soto, Inzlicht, Lelkes, 2014). Установлено также, что респонденты, разделяющие экстремистские взгляды, отличаются упрощенным восприятием социального мира, чем обуславливается их чрезмерная самонадеянность в суждениях и оценках и отсутствие толерантности по отношению к различным группам и иным взглядам (van Prooijen, Krouwel, 2019). Психологические аспекты исследования установок, так или иначе связанных с особенностями личности, крайне важно учитывать при анализе факторов усиления гражданской активности в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Наш интерес направлен на социологические аспекты проблемы.

В социологической системе координат установка связывается с субъектом деятельности и отношений. Опираясь на разра-

ботки представителей грузинской психологической школы, на результаты, полученные зарубежными коллегами и в особенности на диспозиционную теорию Г. Оллпорта, В. А. Ядов установку к поведению обосновывает не столько как готовность, сколько как «предрасположенность субъекта к реакциям на социальные обстоятельства деятельности, как отношения, или «аттитюд» (attitude), к различным социальным объектам и ситуациям. Подобно фиксированной установке в концепции Д. Н. Узнадзе «аттитюд» есть продукт предшествующего опыта, выполняющий регулятивные функции в поведении субъекта» (Ядов, 2018: 406). В. А. Ядов рассматривает диспозиции как некие личностные конструкты и считает, что между ними имеется определенная иерархия от элементарных к высшим, соотносенным с типологией потребностей.

Социологи имеют дело с многообразием установок людей относительно тех или иных социальных явлений и процессов. Основной интерес представляет выявление тех факторов среды, тех личностных особенностей, которые так или иначе связаны, а в идеале – обуславливают определенные установки. Опыт подтверждает, что и к явному злу люди относятся по-разному и в основе различий лежат фундаментальные представления человека о реальности, которыми он руководствуется при всех ситуациях, требующих оценки и адаптации.

Нам представляется интересным проанализировать представления людей о сущности социально опасных проявлений, в частности, террористической угрозы, через их *установки* относительно допустимости насилия над самой жизнью.

Понятие ценности жизни получило глубокое мировоззренческое осмысление в философии, теологии, культурологии. Подходы к пониманию этой категории всесторонне рассматриваются отечественными философами (Жизнь как ценность, 2000), специалистами в области социальной экологии (Мягков, 2001) и экологии человека, демографии (Прохоров, 1995). В связи с

рисками и угрозами категорию ценности жизни давно и успешно используют в зарубежной психологии и социологии риска (Fetherstonhaugh, Slovic, Johnson, Friedrich: 1997; Friedrich, Barnes, Chapin, Dawson, Garst, Kerr: 1999).

Нам важно подчеркнуть по меньшей мере два принципиальных для социологического подхода к анализу ценности жизни аспекта. Во-первых, отношение индивида к собственной жизни как ценности во многом определяет его картину мира, представление о себе как о члене социального сообщества, оценку социальных явлений и процессов, места человека в экосистеме. Во-вторых, на наш взгляд, мыслители от А. Бергсона, В. Дильтея, Г. Зиммеля до Э. Фромма и Г. Риккерта явно или латентно связывали понятие ценности жизни с адаптационным поведением как с биологической точки зрения, так и социокультурной. На этих исходных положениях далее строится методология нашего исследования.

Эмпирической базой анализа являются данные общероссийского опроса населения по квотной выборке, репрезентирующей поло-возрастную структуру и тип поселения. Общее количество респондентов составило три тысячи человек.

Методически мы свели респондентов по ответам на вопросы относительно осуждения / оправдания убийства представителей власти и рядовых граждан. Задачу мы видим в поиске личностных факторов и условий среды, которые отличают сформированные совокупности респондентов и могут так или иначе детерминировать их фундаментальные установки относительно допустимости насилия над жизнью, а также сходство / различия в их представлениях о сущности насилия как социального явления.

Целевые группы для анализа формировались на основании ответов на два косвенных вопроса анкеты. Первый направлен на дифференциацию респондентов по установке на осуждение / одобрение физического насилия в отношении представителей

власти: «В истории России было время, когда революционеры-террористы убивали царей, премьер-министров, полицейских и т.п. Вы склонны осуждать или одобрять подобные действия?»; второй – на дифференциацию по оценкам возможности насилия в отношении простых людей: «Как Вы считаете, в мирное время существуют или нет такие ситуации, когда во имя той или иной цели допустимо пожертвовать жизнью людей?».

На первом этапе формирования целевых групп оценочные шкалы преобразованы следующим образом. В первом вопросе позиция «в целом осуждают насилие в отношении представителей власти» обозначается «осуждают»; позиции «отчасти осуждают насилие в отношении представителей власти, но думают, что в условиях того времени это могло быть оправдано» и «в целом поддерживают насилие в отношении представителей власти» объединены в «оправдывают в той или иной степени». Во втором вопросе позиции «в мирное время нет и не может быть таких ситуаций и думаю, что не может быть таких ситуаций, когда во имя той или иной цели допустимо пожертвовать жизнью людей» объединены в позицию «в той или иной степени осуждают физическое насилие в отношении простых людей»; позиции «в мирное время, безусловно, существуют и, пожалуй, существуют такие ситуации, когда во имя той или иной цели допустимо пожертвовать жизнью людей» объединены в «в той или иной степени оправдывают насилие в отношении простых людей». Колеблющиеся обозначены как «позиция не определена» и исключены из дальнейшего анализа.

На втором этапе сформированы четыре целевые группы. В первую входят респонденты, осуждающие насилие как по отношению к представителям власти, так и по отношению к простым гражданам. Назовем эту группу условно «не допускающие насилие». Вторую группу составляют респонденты, ценящие жизнь граждан и в той или иной степени оправдывающие физическое

устранение представителей власти – «не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти». К третьей группе относятся респонденты, осуждающие убийства представителей власти, но в той или иной степени оправдывающие жертвование жизнью простых людей – «допускающие наси-

лие к гражданам/ не допускающие к власти». В четвертой группе оказываются оправдывающие в той или иной степени насилие как в отношении граждан, так и представителей власти – «допускающие насилие». В таблице 1 представлена характеристика целевых групп.

Таблица 1

Характеристика целевых групп

Table 1

Characteristics of target groups

Описание / Условное название целевой группы	Статистика
Противники жертв среди представителей власти и в той или иной степени осуждающие жертвы в отношении простых людей – «не допускающие насилия»	857 чел. / 29%
Ценящие жизнь граждан и в той или иной степени оправдывающие физическое устранение представителей власти – «не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти»	848 чел. / 28%
Осуждающие убийства представителей власти, но в той или иной степени оправдывающие жертвование жизнью простых людей – «допускающие насилие к гражданам/ не допускающие к власти»	239 чел. / 8%
Оправдывающие в той или иной степени насилие как в отношении граждан, так и представителей власти – «допускающие насилие»	556 чел. / 18%
Примечание – остальные 17% составляют «не определившиеся», которые исключены из дальнейшего анализа	

Целью эмпирического анализа является: выявление личностных и средовых факторов, детерминирующих отношение к ценности жизни, и определение, скажем так, степени фундаментальности установки по отношению к ценности жизни, иными словами, насколько последовательно она «разворачивается» в понимании респондентами сути агрессии и мер борьбы с ее проявлениями в обществе.

Сравнительный анализ производился по следующим блокам: а) социально-демографические характеристики; б) удовлетворенность жизненными условиями (обобщенный показатель социального самочувствия, защищенность от бедности и бездомности, от одиночества, от ощущения, что жизнь зашла в тупик; в) заинтересованность и осведомленность о социально-политической ситуации в стране; г) активность (факт и мотивация); д) личностные особенности (поведение в конфликтных си-

туациях, допустимость ущербов как показатель личностной значимости носителей ущерба, опыт потерь, вероисповедание); е) общая оценка деятельности властей; ж) оценка деятельности/доверие властям через защищенность в сфере общественной безопасности, здравоохранении, в области гарантий прав и свобод, защищенности в сфере медицинского обслуживания, в трудовой сфере; з) оценка общественного климата, настроений; и) отношение и оценки экстремизма/терроризма (понимание феномена, эмоциональное отношение, отношение к информированию и противодействию, осведомленность о базе противодействия).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Социально-демографические особенности, социальное самочувствие и социально-политическая активность. Дифференцирующими целевые группы соци-

ально-демографическими характеристиками оказались *пол, образование и тип поселения*. Мужчины больше склонны оправдывать насилие, чем женщины: их доля значительно выше в группе сторонников насилия (56% против 44%) и ниже в остальных целевых группах (порядка 42-46% против 54-58% женщин). Среди сторонников насилия существенно выше доля респондентов со средним и средним специальным образованием по сравнению с остальными целевыми группами (66%, в остальных группах – не превышает 58%). Значительная доля противников насилия проживает в областных и краевых центрах (43%, в остальных типах населенных пунктов не более 26%), а сторонников насилия – в сельских поселениях (39%, в остальных – их доля не выше 27%). По возрасту, наличию несовершеннолетних детей и специфике занятости статистически значимые различия между целевыми группами не выявлены.

Сущностные особенности и эмпирические индикаторы понятия «*социальное самочувствие*» являются предметом активного дискурса в разных областях социологического знания. В самом широком смысле под социальным самочувствием понимается та или иная степень комфортности субъекта в социальной среде. Для обобщенной эмпирической оценки социального самочувствия на протяжении многих лет мы используем показатель *удовлетворенности разными сторонами и жизнью в целом и защищенности от бедности, бездомности, одиночества и ощущения, что жизнь зашла в тупик*.

Удовлетворенность разными сторонами жизни в описываемом исследовании оценивалась по 14-ти позициям. Результаты анализа позволяют утверждать, что целевые группы по *высоким* оценкам удовлетворенности материальной стороной жизни (материальная обеспеченность, приобретение одежды, питание, жилищные условия), состоянием здоровья, возможностями для отдыха (досуг, отпуск), общением с друзьями, статусом в обществе и возможностями получения необходимых

знаний статистически значимо не различаются.

По сравнению с остальными целевыми группами среди противников насилия выше доля удовлетворенных отношениями в семье. Удовлетворенность жизнью в целом как обобщенный показатель социального самочувствия выше у противников насилия и у той группы, которую мы условно назвали «*допускающие насилие к гражданам / не допускающие к власти*».

Как показывает наш исследовательский опыт, важнейшим показателем социального самочувствия выступает социальная защищенность, оценку уровня которой в данном контексте анализируем по трем параметрам: от бедности и бездомности; одиночества; ощущения, что жизнь зашла в тупик.

По самооценкам уровня защищенности от бедности, бездомности и одиночества целевые группы не различаются. Показатель осуждения / оправдания насилия оказался связанным с высокой оценкой защищенности от ощущения, что жизнь зашла в тупик: осуждение насилия связано с относительно высоким, а оправдание – с низким уровнем защищенности от ощущения, что жизнь зашла в тупик.

Анализ социально-политической активности представителей анализируемых групп показывает, что респонденты демонстрируют примерно одинаковый достаточно высокий уровень заинтересованности событиями в стране и регионе проживания: 62-64%. Представители той группы, которую мы условно назвали «*допускающие насилие к гражданам / не допускающие к власти*» – 74-77%.

По самооценкам осведомленности о социально-политической ситуации в стране и регионе проживания различия между целевыми группами не наблюдаются. Компетентными в этих вопросах (сумма ответов «очень хорошо разбираюсь» и «разбираюсь» в социально-политической ситуации в стране и регионе проживания) считают себя порядка трети респондентов в каждой из целевых групп.

По факту участия в работе какой-либо партии, движения, организации; в митингах, пикетах, забастовках, голодовках в защиту своих прав, свобод, позиций и по мотивам, побуждающим к активным действиям, целевые группы не различаются.

Личностные особенности. Основным было предположение о том, что интересующие нас целевые группы отличаются стереотипами поведения в конфликтных ситуациях. В инструментарии опроса респондентам предлагалось определиться по четырем типам поведения, отличающимся остротой реакции и склонностью к компромиссу. Предлагалась трехмерная шкала: «всегда», «часто», «никогда». Анализ показал, что существенная разница наблюдается только по позиции «никогда» для «не допускающих насилия» и «допускающих насилие». Никогда не настаивают на своей правоте вплоть до крайних мер (ссора, разрыв отношений, драка) 71% противников насилия и 51% сторонников насилия.

Опыт личностных физических и морально-психологических травм у представителей всех четырех анализируемых целевых групп практически одинаков, как и распределение по признаку вероисповедания.

Оценка допустимости ущерба различного типа для нас представляет важнейший показатель личностных представлений респондентов о субъективной значимости определенных жизненных ценностей. В инструментарии опроса респондентам предлагалось оценить насколько для них допустимы те или иные виды угроз, последствием которых могут быть ущербы, потери, травмы материальной, физической, психологической, социальной, духовной, моральной, экономической природы.

Анализ показал наличие ряда существенных различий и трендов по следующим типам ущерба:

- материальному (потеря имущества, собственности);
- физическому (ухудшение, утрата здоровья);
- духовному (игнорирование гуманистических идеалов, обесценивание человеческой жизни).

Доля респондентов, не допускающих физического и духовного ущерба ни при каких обстоятельствах выше среди противников насилия. К примеру, среди сторонников насилия 30% не допускают материальный ущерб, среди противников – 52%. Доля допускающих физический ущерб среди «допускающих насилие к гражданам/не допускающих к власти» составляет 31%, в других группах 16-19%. 45% сторонников насилия допускают физический ущерб при определенных обстоятельствах, аналогичный показатель в других группах – 32-34%. По духовному ущербу: среди противников – 58%, среди «допускающих насилие к гражданам/не допускающих к власти» – 42%. 25% респондентов этой же группы допускают духовный ущерб, среди других целевых групп – 14%.

Рискнем интерпретировать данные следующим образом: для анализируемых целевых групп важными факторами, определяющими позицию относительно допустимости/недопустимости насильственных действий, является субъективная значимость материальных, физических, духовных ценностей.

Доверие властным структурам. Анализ доверия властным структурам строится на основе общей оценки деятельности властей, а также через защищенность в различных сферах социальной жизнедеятельности, контроль которой принадлежит институциональной среде, и оценке общественного климата, настроений.

Результаты анализа показывают в целом невысокую оценку деятельности региональных властных структур по обеспечению безопасности несовершеннолетних. О достаточно низком уровне доверия властным структурам в вопросах обеспечения общественной безопасности свидетельствуют оценки способности исполнительной власти справиться с рядом социальных бед. Несмотря на то, что различия в представлениях целевых групп об этом не обнаружены, считаем целесообразным привести некоторые цифры: уверены в том, что исполнительная власть не сможет справиться

с преступностью порядка двух третей респондентов в каждой целевой группе, с коррупцией – около половины, с произволом чиновников – порядка 45% в каждой группе, с наркотизацией молодежи – около 40%.

Через самооценки защищенности в сфере общественной безопасности, здравоохранения, обеспечения гарантий прав и свобод, медицинского обслуживания, трудовой сфере можно судить о доверии властям. Защищенность в *сфере общественной безопасности* измерялась через самооценки защищенности от ограбления квартиры, нападения хулиганов, действий организованной преступности, аварий на общественном транспорте, железной дороге, автодороге, военных или иных действий с последующим вынужденным переселением, действий террористов (взрывы домов, в транспорте, захват заложников); *в сфере здравоохранения* – от экологического бедствия, инфекционных заболеваний, радиационного облучения, отравления вредными веществами в продуктах, воздействия вредных веществ в стройматериалах, отравления вредными веществами, сбрасываемыми

в воду, воздух; *в сфере гарантий прав и свобод* – от дискриминации по признаку пола, возраста, преследований по национальному признаку, за религиозные убеждения и политические взгляды; *в сфере медицинского обслуживания* – от отказа в бесплатной медицинской помощи; *в трудовой сфере* – от неприятностей в профессиональной деятельности и безработицы (*группировка показателей подробно описана*: Мозговая, Шлыкова, 2016).

Построим индекс защищенности целевых групп в каждой из выделенных сфер. Индекс защищенности (ИЗ) рассчитывается по формуле:

$$ИЗ = \frac{((a_1 - b_1) + (a_2 - b_2) + \dots + (a_n - b_n))}{n \times 100\%},$$

где *a* – доля ответивших «полностью защищен» от того или иного неприятного события в каждой целевой группе, *b* – доля ответивших «совсем не защищен» от того или иного неприятного события, *n* – количество неприятных событий, включенных в каждую сферу¹. Результаты процедуры представлены в таблице 2.

Таблица 2

Защищенность в сферах общественной жизнедеятельности (индекс)

Table 2

Security in the spheres of public life (index)

Сферы	Целевые группы			
	«Не допускающие насилия»	«Не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти»	«Допускающие насилия к гражданам/ не допускающие к власти»	«Допускающие насилия»
Общественная безопасность	-0,6	-0,6	-0,6	-0,6
Здравоохранение	-0,6	-0,7	-0,6	-0,7
Гарантии прав и свобод	0,4	0,4	0,4	0,3
Медицинское обслуживание	-0,4	-0,4	-0,3	-0,4
Трудовая сфера	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2

¹ Индекс защищенности принимает максимальное значение, равное 1, если все респонденты в группе чувствуют себя полностью защищенными в той или иной сфере по всем неблагоприятным событиям, ей соответствующим; минимальное значение –1, если все респонденты в группе чувствуют себя абсолютно незащищенными.

Отрицательные значения индекса защищенности указывают на преобладание долей совсем не защищенных респондентов внутри практически всех выделенных сфер, кроме защиты от неравенств. Наиболее «проблемными» для целевых групп оказались сферы общественной безопасности и контроля безопасности здоровья.

Анализ оценок общественного климата и настроений осуществлен на основе представлений о росте нетерпимости и

озлобленности в современном российском обществе, самооценок их отношения к приезжим из республик бывшего СССР и людям, отличающимся по мировоззрению и религиозным взглядам.

В таблице 3 демонстрируются результаты анализа представлений респондентов из целевых групп о росте нетерпимости и озлобленности в современном российском обществе.

Таблица 3

Представления о росте нетерпимости и озлобленности в современном российском обществе (в% от количества опрошенных в каждой целевой группе)

Table 3

Perceptions of the growth of intolerance and bitterness in modern Russian society (% of the number of respondents in each target group)

Представления	Целевые группы			
	«Не допускающие насилия»	«Не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти»	«Допускающие насилие к гражданам/не допускающие к власти»	«Допускающие насилие»
Нетерпимость и озлобленность растут	55	65	60	72
И да, и нет	33	26	30	21
Не растут	12	9	10	7

Подавляющее большинство сторонников насилия отмечают рост нетерпимости и озлобленности в современном российском обществе, а в группе противников насилия доля таких респондентов значительно ниже. Представления о возрастных категориях, для которых особенно свойственны нетерпимость и озлобленность, в целевых группах идентичны: около трети респондентов в каждой целевой группе отмечают рост нетерпимости и озлобленности в молодежной среде, чуть более половины утверждают, что эта тенденция характерна для представителей всех возрастных категорий в современном российском обществе.

По самооценкам отношения к приезжим из республик бывшего СССР и людям, отличающимся по мировоззрению и рели-

гиозным взглядам, значимые статистические различия обнаружены между группами противников и сторонников насилия. Респонденты из остальных двух целевых групп дают примерно одинаковые оценки, которые можно определить, как средние и амбивалентные в сравнении с оценками «крайних» групп. Противники насилия чаще испытывают позитивные чувства и реже негативные как к приезжим из республик бывшего Союза, так и к людям с другими мировоззрением и религиозными взглядами, а сторонники насилия – наоборот. Часто или иногда испытывают сочувствие к приезжим из республик бывшего СССР 80% противников насилия и 74% сторонников, безразличие – 43 и 53% соответственно, раздражение – 46 и 58%, ненависть 12 и 20% респондентов из соответствующей

щих целевых групп. К людям, отличающимся мировоззрением и религиозными взглядами, относятся безразлично 30% противников насилия и 41% – сторонников, с пониманием – 69 и 54% соответственно, с неприязнью – 1 и 5%.

Отношение и оценки экстремизма/терроризма. Отношение к ценности жизни в рамках нашего исследования существенным образом связано с пониманием сути насилия и его проявлений в форме противоправных действий, в частности, терроризма. Такого рода знание, базирую-

щееся на эмпирических данных, представляет важный компонент научного обоснования мер предотвращения, противодействия и смягчения последствий противоправных действий в отношении личности и общественной безопасности в целом.

Значимую информацию дает анализ представлений респондентов о том, какие действия по предъявлению и защите своих интересов и требований они считают адекватными и оправданными. Большинство выбирают сбор подписей, митинги, голодовки (таблица 4).

Таблица 4

Действия, полностью и частично оправдываемые представителями целевых групп по предъявлению своих интересов и требований (в% к количеству респондентов в каждой группе)

Table 4

Actions fully or partially justified by representatives of target groups to present their interests and demands (% of the number of respondents in each group)

Действия	Целевые группы			
	«Не допускающие насилия»	«Не допускающие насилия к гражданам/ допускающие к власти»	«Допускающие насилие к гражданам/ не допускающие к власти»	«Допускающие насилие»
Сбор подписей	96	93	89	89
Насилие в отношении представителей власти, общественных деятелей	24	38	33	40
Митинги, забастовки	95	93	90	91
Блокирование авто- и железно-дорожных магистралей	60	67	66	69
Голодовки	72	75	72	73
Захват заложников	5	8	15	13
Минирование и взрывы транспорта. домов	4	4	11	10

Существенная разница между сторонниками и противниками насилия по позициям, связанным с насильственными действиями, говорит в пользу методики формирования целевых групп. Особенно явно это видно в отношении представителей власти: 24% против 40%.

Респондентам предлагалось определить свою позицию относительно людей,

совершающих экстремистские действия. Подавляющее большинство считает террористов наемниками. Порядка 90% в каждой группе и соответственно в целом по массиву считают вооруженное насилие (взрывы жилых домов, самолетов, захват заложников) выступлением групп людей, получающих за это деньги. Есть некоторое

различие между противниками и сторонниками насилия: 23% против 15% считают, что террористы действуют по принуждению, в результате запугивания и шантажа.

Существенных статистически значимых различий между целевыми группами в

понимании терроризма как социального явления не обнаружено: распределения аналогичны по массиву в целом. В таблице 5 приведены соответствующие данные по массиву опрошенных в целом.

Таблица 5

Понимание сути терроризма (в% к общему количеству опрошенных)

Table 5

Understanding the essence of terrorism (% of the total number of respondents)

Понимание терроризма	Доля выбравших позицию
Устрашение политических, идеологических, религиозных противников для достижения определенных целей	13
Действия, направленные на порождение страха не только у противников, но и среди больших масс людей, всего общества	24
Не только запугивание людей, но и насилие над ними, вплоть до физического уничтожения	32
Глубокое убеждение, фанатическое служение идеям, когда человек, группа людей готовы идти не только на физическое уничтожение других людей, но и жертвовать своей собственной жизнью	31

Наиболее опасными все целевые группы считают для страны нападения на общественные учреждения (более 60%), для семьи – взрывы в местах скопления людей, причем среди сторонников насилия доля таких суждений составляет 59%, среди остальных 71-66%.

Эмоциональное отношение опрошенных при получении информации об осуществлении теракта за пределами нашей страны преимущественно сожаление и сопереживание, причем доля среди «не допускающих насилия к гражданам/допускающих к власти» – 50%, среди «допускающих насилие к гражданам/ не допускающих к власти» – 65% при 54-57% в других целевых группах.

Признавая, что средства массовой информации оказывают существенное влияние на общественную жизнь, большинство респондентов полностью или частично удовлетворены тем, как в них освещаются теракты, имевшие место в стране за год, предшествовавший опросу. Тем труднее интерпретировать оценки деятельности средств массовой информации. К примеру, 34% противников насилия и 24% сторонников

считают, что в основном СМИ хотят добиться сенсационности, а не объективности; 27% противников насилия считают, что СМИ в освещении терактов создают повышенную напряженность в обществе, чем способствуют террористам.

Между целевыми группами наблюдается различие по отношению к тому, можно ли искоренить радикальные проявления, несущие риски человеческих жертв, общественной безопасности. Среди противников насилия выше доля считающих, что такая возможность есть, если все развитые страны основательно возьмутся за решение проблемы (25% против 15%), и ниже доля считающих что терроризм неистребим, поскольку представляет социальное явление, связанное с природной агрессивностью и жестокостью людей (13% против 27%). Только четверть опрошенных считает, что существуют такие меры, которые могут полностью исключить угрозу терроризма. В перечне мер противодействия высокие ранги во всех группах у экономического подъема и роста социальной защищенности (более 60%).

Более 60% во всех группах считают, что могут сложиться такие обстоятельства, при которых властям следует уступить требованиям террористов. Однако, в ситуации, когда близкие станут заложниками террористов, среди противников насилия доля выбирающих уступки, составляет 37%, среди сторонников – 27%.

Порядка 20% в каждой из групп не согласны мириться с ограничением своих прав и свобод, к которому может привести усиление мер безопасности. При этом более 60% опрошенных практически ничего не знают о правовой базе борьбы с терроризмом в нашей стране.

Заключение (Conclusions). По результатам анализа данных нашего исследования можно сделать обоснованный и надежный вывод о наличии у определенной части населения устойчивых, хотя и декларируемых установок на оправдание или осуждение насилия, базирующихся на отношении к ценности жизни. Известный парадокс рассогласования декларируемых установок с реальным социальным поведением, безусловно, принимается во внимание и тем не менее факт установлен и дает основание предложить научному сообществу описание факторов, связь которых с этими установками зафиксирована на эмпирическом уровне анализа данных репрезентативного общероссийского опроса.

К выводам общего характера относятся и информация по другим целевым группам. Для анализа формировались еще две, скажем так, промежуточные между абсолютно осуждающими и полностью оправдывающими насилие группами, а именно целевые совокупности, различающиеся допущением насилия либо к гражданам, либо к представителям власти. Установки относительно ценности жизни у представителей этих групп респондентов не отличаются устойчивостью. В реальной ситуации представители этих совокупностей могут стать социальной базой поддержки как противников, так и сторонников насилия. Просматривается тенденция

тяготения позиций группы, условно названной «не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти», к позициям противников насилия как такового. Логично предположить, что своеобразным ресурсом укрепления установки на безусловную ценность жизни у этих респондентов может стать повышение степени доверия к власти, что возможно только через реальный позитивный опыт.

Относительно факторов, связанных с анализируемыми установками, выявлено следующее.

Имеются существенные различия между сторонниками и противниками насилия по ряду социально-демографических показателей: противники насилия имеют более высокий уровень образования, преимущественно проживают в городской среде, среди них выше доля женщин.

Установлены различия по ряду параметров социального самочувствия: удовлетворенность жизнью выше у противников насилия и ниже – у сторонников; при сходных оценках социальной защищенности осуждающие насилие более защищены от ощущения, что жизнь зашла в тупик.

Противники насилия более толерантны по отношению к иным взглядам, верованиям, жизненным ценностям, в частности к трудовым мигрантам.

Имеются существенные особенности личностных черт: в конфликтных ситуациях *никогда* не настаивают на своей правоте вплоть до крайних мер (ссора, разрыв отношений, драка) порядка трех четвертей противников насилия. Среди сторонников насилия эта доля составляет половину.

Анализ выявил существенные различия по ряду жизненных ценностей: важными факторами, определяющими позицию относительно допустимости/недопустимости насильственных действий, является субъективная значимость материальных, физических, духовных ценностей.

По блоку понимания и отношения к экстремизму и терроризму также имеются различия: среди сторонников насилия в два

раза выше доля считающих оправданными такие меры отстаивания своих интересов как насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных лидеров; в три раза – захват заложников; в два с половиной раза – взрывы в общественных местах и в жилых домах. Среди противников насилия в полтора раза выше доля считающих, что следует идти на компромисс с террористами, если в заложниках члены семьи.

Для разработки эффективных мер предотвращения и противодействия экстремизму и терроризму как социальному явлению подобные данные, на наш взгляд, необходимы. Научное сообщество результаты нашего исследования могут мотивировать на более глубокую рефлексию относительно установок населения на то или иное восприятие в ситуациях рисков, основной ценностью в которых является жизнь: исследования особенностей мировосприятия различных категорий населения в условиях масштабных явлений и процессов, угрожающих жизни, здоровью, привычной организации деятельности институциональной среды. Переживаемая нами в настоящий момент ситуация «включенного наблюдения» отношения и действий населения в условиях пандемии вируса атипичной пневмонии актуализирует целый ряд проблем, требующих социологического исследования. Каковы установки на ценность жизни у различных категорий населения в условиях жестких ограничений, в частности у тех, кто игнорирует рекомендации инфекционистов и вызывающе нарушает запреты и ограничения в условиях риска массового заражения, подвергая свою жизнь риску, или у тех, кто с подтвержденным диагнозом осознанно идет в общественные места, выступая угрозой для жизни и здоровья окружающих. Такие исследования и рефлексия ситуации реального риска – задача будущего, которое принесет с собой определенный статус общественной безопасности.

Список литературы

Асмолов А. Г. Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ. Комментарий к статьям А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?» и М. Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и «доличностным уровнем» прайминга» // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4, № 1. С. 26-32.

Жизнь как ценность / Отв. ред. Л. И. Фесенкова. М.: ИФРАН, 2000.

Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/1 (74). С. 211-215.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 12 (86). С. 117-120.

Мозговая А. В. Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 708-718. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718.

Мягков С. М. Социальная экология: этнокультурные основания устойчивого развития. М.: НИИПИ экологии города, 2001.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник (сборник научных статей) / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358-378.

Прохоров Б. Б. Введение в экологию человека: социально-демографический анализ. М.: Изд-во МНЭПУ, 1995.

Толмач А. Д. Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 82-88.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.

Шлыкова Е. В. Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса // Научный результат. Социология и управление.

2019. Т. 5, № 4. С. 103-118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9.

Щебланова В. В. Террористические действия и их последствия в ракурсе концепций социального действия // Вестник СГТУ. 2013. № 1. С. 268-272.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Социология Ядова. Методологический разговор. (Избранные труды В. А. Ядова); ФНИСЦ РАН; Редактор, авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. С. 403-425.

Fetherstonhaugh D., Slovic P., Johnson S. M., Friedrich J. Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical Numbing // Journal of Risk and Uncertainty. 1997. № 14 (3). P. 283-300.

Friedrich J., Barnes P., Chapin K., Dawson I., Garst V., Kerr D. Psychophysical Numbing: When Lives Are Valued Less as the Lives at Risk Increase // Journal of Consumer Psychology. 1999. № 8 (3). P. 277-299.

Malka A., Soto C. J., Inzlicht M., Lelkes Y. Do needs for security and certainty predict cultural and economic conservatism? A cross-national analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. № 106. P. 1031-1051.

Van Prooijen J-W., Krouwel A. P. M. (2019), Psychological Features of Extreme Political Ideologies // Current Directions in Psychological Science. 2019. № 28 (2). P. 159-163. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721418817755>.

References

Asmolov, A. G. (2017), "Mindset Effects in Forecasting the Future: Historical Evolutionary Analysis Commentary on the papers "Mindset and unconscious semantic priming: two different labels or two distinct phenomena?" by A. Koyfman and "Comparing two paradigms and the 'prepersonal level' of priming" by M. Filippova", *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki*, 4 (1), 26-32. (In Russian).

Life as a value (2000), in Fesenkova, L. I. (ed.), IFRAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Maximova, S. G., Goncharova, N. P. and Noyanzina, O. E. (2012), "Peculiarities of Risk-Perception in Structure of Estimation of Personal and Societal Security", *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2/1), 211-215. (In Russian).

Maximova, S. G., Noyanzina, O. E., Goncharova, N. P., Omelchenko, D. A. and Avdeeva, G. S. (2011), "Adaptive strategies of the population of the Altai territory in unstable socio-economic conditions", *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (12), 117-120. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. (2018), "Social Sphere: Vectors of Change, Risks, and Adaptation resources (the results of all-Russian monitoring surveys)", *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 18 (4), 708-718. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718. (In Russian).

Myagkov, S. M. (2001), *Social ecology: ethno-cultural foundations of sustainable development*, NIiPI ekologii goroda, Moscow, Russia. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2016), "Disparity in the Social Distribution of Risks: Resources and Adaptation Strategies", in Gorshkov, M. K. (ed.), *Russia is being reformed. Yearbook*, Novy khronograf, Moscow, Russia, 14, 358-378. (In Russian).

Prokhorov, B. B., (1995), *Introduction to human ecology: socio-demographic analysis*, Izd-vo MNE'PU, Moscow, Russia. (In Russian).

Tolmach, A. D. (2009), "Phenomenon of terrorism in mass consciousness", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (4), 82-88. (In Russian).

Uznadze, D. N. (1961), *Experimental foundations of psychology of attitudes*, Tbilisi, Georgia. (In Russian).

Shlykova, E. V. (2019), "Countering terrorism as adaptation to risks of the present: social essence and subjects of the process", *Research Result. Sociology and management*, 5 (4), 103-118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9. (In Russian).

Shheblanova, V. V. (2013), "Terrorist actions and their consequences regarding the concepts of social actions", *Vestnik SGTU*, (1), 268-272. (In Russian).

Yadov, V. A. (2018), "On dispositional regulation of social behavior of the individual", in Danilova, E. N., Kozlova, L. A., Kozyreva, P. M. and Oberemko, O. A. (eds.), *Sotsiologiya Yadova. Metodologicheskii razgovor. (Izbrannye trudy V.A. Jadova)*, Novy khronograf, Moscow, Russia, 403-425. (In Russian).

Fetherstonhaugh, D., Slovic, P., Johnson, S. M. and Friedrich, J. (1997), "Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical

Numbing”, *Journal of Risk and Uncertainty*, (14), 283-300.

Friedrich, J., Barnes, P., Chapin, K., Dawson, I., Garst, V. and Kerr, D. (1999), “Psychophysical Numbing: When Lives Are Valued Less as the Lives at Risk Increase”, *Journal of Consumer Psychology*, (8), 277-299.

Malka, A., Soto, C. J., Inzlicht, M. and Lelkes, Y. (2014), “Do needs for security and certainty predict cultural and economic conservatism? A cross-national analysis”, *Journal of Personality and Social Psychology*, (106), 1031-1051.

Van Prooijen, J-W. and Krouwel, A. P. M. (2019), “Psychological Features of Extreme Political Ideologies”, *Current Directions in Psychological Science*, (28), 159-163. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721418817755>.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликтов интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflicts of interest to declare.

Мозговая Алла Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, руководитель сектора проблем риска и катастроф, кандидат философских наук.

Шлыкова Елена Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, кандидат социологических наук.

Alla V. Mozgovaya, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of Risk and Disasters Problems, PhD in Sociology.

Elena V. Shlykova, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, PhD in Sociology.